

Она опять пришла. Села на скамейку у дома и стала ждать. Хрупкая женщина лет тридцати пяти с простым лицом, рыжеватыми волосами, покрытыми пестрым платочком. На коленях покоились натруженные руки, сложенные замком. Будто никого лишнего не хотела впустить в свои мысли, чувства, переживания.

Из калитки выскочил шустрый семилетний мальчишка:

— Здррасте, тетя Катя! — смело поприветствовал он, грассируя буквой «р». — А дядя спит.

Дядя Куприян почти двадцать лет жил в семье младшего брата Михаила. На самом деле Куприян не спал, просто последнее время плохо себя чувствовал. Подолгу лежал в постели. Мучили невыносимые боли во всем теле. Казалось, заново переживал момент того страшного ранения...

Девятнадцатилетним пареньком осенью сорок первого Куприян ушел на фронт. В битве за Сталинград был тяжело ранен

в позвоночник. После долгого лечения в Бакинском госпитале с костылями в руках приехал к брату.

Со временем Куприян научился ходить заново, с тросточкой, но часто уставал, присаживался отдыхать. Ноги подгибались, выработав своеобразную походку. Своей семьей обзавестись не успел, а родителей к тому времени уже не стало. Вот и жил в семье брата.

Отношение к Куприяну было уважительным, если не сказать больше. Дети, а их было пятеро, обожали своего дядю, докучая разными вопросами. А он их баловал. Постоянно возился с племянниками, показывал фокусы, которым научился в госпитале, рассказывал интересные истории: повидал-то за годы войны немало. Иногда под особым настроением доставал из фанерного чемоданчика небольшую коробочку с орденом Красной Звезды. Награда за его подвиг при обороне Сталинграда. Но рассказывать об этом не любил, не мог. Почти ежегодно Куприян ложился в госпиталь подлечиться, ездил в санатории как ветеран войны, инвалид. Сколько радости было у детей по его возвращении! Каждому привозил подарки: сарафанчики, ленточки, бескозырки, сладости. Вот это был праздник!

— Ничего, Толик, я подожду, — откликнулась Катерина, — а ты посматривай, когда проснется. Да скажи, что я жду.

Катерина снова погрузилась в свои мысли. У нее был сынишка Вовка, почти такой же, как Толик. Чуть-чуть старше. Растила его без мужа, как говорили — прижила. Так иногда случается в жизни. Вовка был рыжий до красноты. Лицо сплошь усеяно веснушками. Из-за слабого здоровья или из-за лени учился плохо. Часто одноклассницы помогали ему делать уроки. Но толку было мало.

Отца Вовки Катерина не любила. Понимала, что нужна родная душа рядом — вот и родила сына. А любовь к Катерине пришла позже, когда она переехала в соседний поселок. Их колхоз «Двенадцатый Октябрь» влился в другое хозяйство, и жители поразьехали кто куда. Большинство переехало в поселок Гришинск. Он длинной, широкой улицей протянулся вдоль кромки Кулундинского ленточного бора. Таких уникальных боров всего четыре на Алтае, а в мире — пять. Тянутся они вдоль рек и речушек по песчаным древним отложениям на сотни километров.

Катерине помогли волоком перевезти ее крохотный деревянный домик в самый конец главной улицы поселка. Из таких же переселенцев выстраивалась и другая улица, «Задняя», так ее неофициально называли. Всё немногочисленное население поселка в летнюю и осеннюю пору кормилось лесными дарами: ягода, щавель, грибы. Опять же дровишки для топки заготавливали. Хоть лесники и смотрели за этим строго.

Дети не боялись ходить в лес одни. Бор разделяла широкая полоса лугов с красивыми, пестрыми, словно рябчики, колокольчиками. Обычно там паслось стадо коров, за которым смотрел пастух с хлестким бичом. Не дай бог, если коровёнка отобьется от стада и надумает сбежать домой! Попадало и ей, и хозяевам. Вечером пастух высказывал, чтоб не подкармливали свою буренку дома.

Шириной лента бора около семи километров. Через него можно было выйти в село Вылково другого района по широченной Растовой просеке, делившей весь бор поперек. Свое название она получила по причине того, что с нее был виден дом старика Растова, самого древнего в деревне.

А еще в лесу в полутора километрах от поселка плескало прохладной водой небольшое озерцо Кривое. Детвора по шишкам и колючей высохшей хвое босиком гурьбой через лес бегала к этому озерцу. Купались, ловили гальянов и, разморенные, загорелые, возвращались домой.

К шестидесятым годам в Гришинске построили большой клуб из добротных бревен с широкими светлыми окнами, со зрительным залом, библиотекой и кинобудкой. Народ, перенесший страшную войну, наконец, стал оживать. Люди потянулись в клуб: в кино, на танцы. Были в Гришинске свои гармонисты и баянисты.

Однажды и Катя с подругами после кино осталась потанцевать. Она заметила Куприяна сразу. Он сидел с баяном на коленях и играл «Случайный вальс». Катя так любила эту песню! Слушая ее по радио, она часто представляла себя танцующей с молодым офицером. Куприян был точно такой: высокий, голубоглазый, с русым кудрявым чубом. Не знала она, что потанцевать им с Кирюшей (так она его потом называла) не придется...

Скрипнула калитка. Куприян, тяжело опираясь на костыль, подошел к скамейке и сел рядом.

— Кать, ты чего пришла?

— Знаешь, Кирюш, — зачастила она, перебивая его из-за боязни, что он скажет что-то не то, — я сегодня петушка сварила! Того, помнишь, пестренького забияку. Совсем задолбил соседского. Жалуются! Поехали ко мне, а?

У Куприяна была машина с ручным управлением, для инвалидов. Многие ветераны войны, пользуясь льготой, получали такие от государства. Куприян часто выезжал на ней на рыбалку. Рыбачить он любил. Даже сети плести научился. Бывало, всю зиму плетет, готовится. А как только лед сойдет, едет с соседом, заядлым рыбаком, на озёра. Их в округе было достаточно: Кривое, Сергино, Омелино. Большие и маленькие, они своими синеокими глазами безмятежно смотрели в бездонное небо, окруженные пушистыми соснами, шелестящими осинками. Калина и черемуха, на жарком солнышке наливая соком грозди своих ягод, обрамляли елани близ берегов.

Брат Михаил соорудил небольшой прицеп, на который грузили лодку соседа и отправлялись на рыбалку. Нередко с ночевкой. Неказистая с виду машинёшка здорово помогала семье в хозяйстве. Михаил и сам частенько выезжал на ней в лес за сучками. Они годились топить баньку или печурку, сложенную во дворе для приготовления пищи в летнее время. Брал с собой жену Тоню и кого-нибудь из ребят. Пока заготавливал дрова, они собирали ягоды или грибы.

— Михаил! Сколько можно звать! Иди обедать! — сурово, как муж говорил, «с верхней полки», уж в третий раз прозвучал голос Тони.

Засуетившись, Михаил вдруг выронил из рук деталь, которую уже битый час подтачивал и старался поставить на место.

— Тьфу, ты! Обязательно надо кричать под руку! — в сердцах проворчал он и пошел в дом.

Куприяна Тоня не позвала: знала, что пришла Катя. Пусть поговорят, хотя она любила, чтобы обедали все вместе «в один приквесе», а не тянулись по одному.

Тоня привыкла звать мужа полным именем Михаил, тем самым подчеркивая, что он — глава семьи и на нем лежит ответственность за нее. Или, может быть, не хотела называть его более

ласково — Миша... Он был старше на пятнадцать лет и женат на ней вторым браком. Их повенчала война. Михаил не воевал на фронте, как брат Куприян. Был инвалидом по зрению. В детстве ему, десятилетнему пацану, кобыла выбила глаз. Всю свою жизнь Михаил проходил с протезом. Много позже, когда выросли дети и уже пошли внуки, одна малышка, наблюдая, как дед на ночь кладет протез в стакан с раствором, подсказала: «Деда, а второй?» Подобных историй семья вспоминала при встречах немало...

Проблема со зрением не помешала Михаилу стать добрым механиком. Он хорошо знал и любил технику. Тракторами и машинами в военное время управляли в основном молодые девчонки, едва освоившие водительские азы. Работы с такими трактористками хватало. Но и внимания с их стороны — тоже. Вот и жила в Тоне обида на то далекое прошлое. Хотя сам Михаил относился к этому философски: такова была историческая ситуация.

Тоня была черноокой красавицей. Ее влажные темно-карие глаза обрамляли густые пушистые ресницы. Часто смущалась, и тогда румянец покрывал всё ее лицо. Стройные чуть полноватые ноги хорошо дополняли фигуру. Трудно было не заметить такую девушку. Родив пятерых детей, Тоня ничуть не утратила обаяния, а женственности даже прибавилось. И теперь уже Михаил косо поглядывал на своих кумовьев, не позволяя им подолгу задерживать взгляд на жене.

Куприян уважал Тоню. Видел, как нелегко ей приходится с детьми, с хозяйством. Да и на работу надо успеть. Во всем тихо помогала ее мама, Прасковья Терентьевна. Куприян тоже старался не быть «обузой»: подшивал детям валенки, подстригал под «ноль» мальчишек и всё мужское население в округе, как правило, перед баней. В гараже они с Михаилом соорудили верстак, и Куприян с удовольствием выполнял столярные работы. Делал табуретки, подцветочки, учил ребят мастерить скворечники. Однажды даже этажерку собрал. Но самой большой его страстью был баян. На слух подбирал любую песню. Этим увлек и своих племянников. Частенько играл в клубе на танцах. Там-то и увидела его Катерина.

Странной была их дружба, длившаяся вот уже несколько лет. Иногда Куприян дня три, четыре, а то и неделю жил у Катерины, но неизменно возвращался в семью брата, домой. Так он считал. Не в чем ему было упрекнуть Катерину: хорошая хозяйка, заботливая и любящая женщина, добрая мать. Всю свою нерастратченную нежность, ласку она отдавала ему, своему Кирюше. И Вовке, конечно, но это было другое. Находясь рядом с ней, Куприян чувствовал себя беспомощным. Он не мог дать ей полного счастья. Понимал, что ее жизнь может сложиться по-другому, она еще так молода. Его бесконечное лечение почти не давало результата, лишь немного поддерживало. Жизнь словно устала бороться с далеким прошлым, которое возвращалось и возвращалось. Обременять Катерину собой он не хотел. Но всё же главным было то (и в этом Куприян не мог себя обманывать), что не он ее выбрал, а она. И сердце его не трепетало при встрече с ней. Не было радости...

Дом Михаила, полный детских голосов, семейных праздников и даже бытовых невзгод, был частью Куприяна. Находясь вдалеке от дома, Куприян вспоминал, как они, сидя за большим столом, лепили пельмени к празднику, как готовили костюмы и игрушки к Новому году, ставили елку. Как ждали и дети, и взрослые очередной день рождения многочисленных членов семьи. И то, что всё было именно так, шло от Тони, от ее умения вести дом и бесконечно любить своих малышей. Вся жизнь вертелась вокруг нее. Она была на два года моложе Куприяна. И если б не война, скорее он, а не Михаил, мог бы стать ее избранником. Если б не война...

Катерина тронула Куприяна за руку:

— Кирюш, ну так как, поедем?

Он тихо погладил ее руку:

— Хорошая ты, Катя, но не я тебе нужен...

Куприян долго не решался произнести это. Катерина искренне любила его и не требовала ничего взамен. Лишь бы был рядом, поговорил с ней, поглядел, как он умел, с прищуром. Любила, как пахло дымком от его сигареты, когда молча курил в печурку на кухне.

...Она шла, не видя ничего перед собой. Слезы катились и катились по щекам неумным потоком. Ветер легко играл с осен-

ними листьями, хлестко бил по ногам, кружил их в замысловатом танце. А в голове непрошено звучали строчки «Случайного вальса»: «...в этом зале пустом мы танцуем вдвоем, так скажите хоть слово...» Нет, не тех слов ждала Катерина от своего Кирюши, не тех...

Видимо, это был их *случайный* вальс.